

Михаил Михайлович, на церемонии открытия «Славянского базара» вы имели довольно продолжительный разговор с Александром Лукашенко. Если не секрет, о чем говорили?

- Я подарил ему ювелирный бокал, над которым работал два года. Президент удивился, что я и это умею делать, и попросил помочь с организацией в Беларуси ювелирного дела: завезти оборудование, пригласить мастеров, которые бы обучили молодежь работать по современным технологиям. Был разговор, чтобы я открыл свою мастерскую и филиал Института философии, психологии и творчества. Буду приглашать талантливых ребят-белорусов на учебу в США и во Францию, куда сейчас перебираюсь, поскольку много работаю с европейской частью России и Сибири.

- А почему в Россию переехать не хотите?

- Прямо скажу, такая мысль мне в голову не приходит. Правда, за последние годы только в Мариинском театре я сделал пять балетов. Но в России по-прежнему засилье чиновников-бюрократов. К тому же у меня нет желания оказываться под надзором олигархической клики, которая наворовала сколько смогла, а теперь только тем и занята, чтобы это удержать. Если так будет продолжаться, боюсь, повторится 1917 год...

Возвращаясь к Беларуси, скажу, что я много чего слышал о Лукашенко. Но мне кажется, что это человек, который действительно думает о народе, а не о своем кармане. В наши дни - большая редкость. В России на него часто «каты бочки»: дескать, и деспотичен, и своенравен. Но вот я несколько раз возвращался после полуночи с фестивальных концертов (кстати, замечательных!), автомобильное движение было перекрыто, нам с женой, дочерью и моей сестрой приходилось идти пешком к отелю в плотной толпе гуляющих. Некоторые уличные сценки меня заинтриговали, развлекали. И я с сожалением вспоминал недавний большой молодежный праздник в Петербурге «Алые паруса». Асфальт вокруг был усеян там бутылочными осколками, мимо шли угрюмые команды пьяных малолеток 14-16 лет, лица многих оказались окровавлены, с завыванием пронеслись «скорые». В общем, тот еще праздник. А в Витебске я чувствовал себя спокойным и за себя, и за семью, нам было уютно в праздничной толпе. Никакой агрессии, улыбки, шутки. Наверное, в том, что в республике царит атмосфера дружелюбия, есть какая-то заслуга и первого лица государства.

- Это правда, что идею скульптурной композиции на Болотной площади «Дети - жертвы пороков взрослых» вам подсказал Лужков?

- Действительно, семь лет назад Юрий Михайлович положил передо мной листок бумаги, где были перечислены элементы сложного памятника, символизирующие садизм, воровство, алкоголизм, войну... - всего 13 пороков. Признание, заказ меня ошеломил. Сознание постсоветского обывателя привыкло к городским скульптурам, решенным в реалистическом ключе. А здесь не станешь ведь изображать, скажем, Свидригайлова с девочкой на коленях или воссоздавать достоверный облик Чикатило? Это может обидеть чувства людей, переживших подобное горе. Я даже хотел отказаться от проекта. Но месяцев через шесть вдруг нашел решение на основе старой символики. Проституция - это лягушка в плаще, невежество - танцующий осел с погрешущими... Единственный образ, который пришлось придумать - наркомания. Ни в дореволюционные, ни в советские времена дети от этого порока не страдали. Воплотил его в виде ангела смерти, протягивающего ампулу с героином.

- В былые времена вы слыли отчаянным забиякой и любили пускаться в загулы, в том числе в компании с Владимиром Высоцким. Что вас к этому подталкивало: собственный характер, богемная среда?

- В молодости я послужил Бахусу весьма изрядно. Нагрузки, которые нес мой организм и мозг, требовали эмоционального выхода. Срывы происходили после трех-четырех месяцев напряженной работы.

Помню, в Париже меня как-то вызвала Марина Влади с просьбой «покараулить» Володю: после десяти дней мучительного запоя Высоцкий находился в ужасающем состоянии. Это уже

Михаил ШЕМЯКИН:

УЖАСНО БОЮСЬ ЗАБРОНЗОВЕТЬ

На XVI Международном фестивале искусств «Славянский базар» в Витебске Михаил Шемякин представил выставку графики. Она оказалась оригинальной и смелой. Картины стали своего рода драматическим повествованием о чреве Парижа, о людях, которые хотели стать птицами. Смелыми и острыми были и суждения художника, с которым удалось побеседовать нашему корреспонденту.

была болезнь в тяжелой стадии. Произошел скандал, Марина раскричалась и сгоряча выставила нас с Высоцким за дверь. Очутившись среди ночи одни в центре города, мы, естественно, пошли в кабаки. Была ночь безумного пьянства. Одна, другая, третья. Для Володи это кончилось приступом белой горячки... Потом, уже в Москве, он посвятил мне песню:

*«Французские бесы -
Большие балбесы,
Но тоже умеют кружить...
Меня сегодня бес водил
По городу Парижу».*

Когда Высоцкий спел это Марине, она сказала: «Я страдала, а меня в этой песне нет». Сильно обиделась и на Володю, и на меня...

- Вы не раз признавали, что у вас очень сложные отношения с Мариной Влади. Вы все-таки помирились?

- У нас с ней всегда были сложные отношения. В своей книге «Прерванный полет» она допустила много лживых измышлений. Давала моя первая супруга обиделась, позвонила ей и спросила: «Когда это ты Мишу пьяным на руках таскала? Такого же не было. Наоборот, это он помогал Володе идти и как пастух его сторожил». Вообще книга ужасная. Дети Высоцкого даже хотели подавать в суд на Марину. Никита особенно буйствовал.

В конце сентября в Самаре будет открыт мой памятник «Высоцкий и его мир». Его установят напротив стадиона, где Володя впервые выступил перед 6 тысячами восторженных зрителей. Он потом до самой смерти не мог забыть этот концерт. В скульптурной композиции присутствует и образ Марины. Хотя от такого шага меня отговаривали многие друзья, но я все же решил ее отобразить. Если честно, Влади многое сделала для Высоцкого в последние годы его жизни. И сам он писал: «Тобой и Господом храним». Однако со своей стороны я с ней рассчитался. Вылепил

ее великолепное изваяние с нашумевшей книжкой в руке. Но из книжки вылезает маленькая гадюка...

- А как вам удалось преодолеть алкогольную зависимость?

- Надежда выкарабкается оставалась всегда, ведь я относил себя к разряду пьяниц - людей, которые периодически срываются, а не алкоголиков, которые пьют постоянно. Как многие пьяницы, я понимал, что приношу горе родным и близким. Не раз пытался бороться с этим недугом. Вместе с Володей мы «зашивались» 9 раз. В тело на полгода вживляли капсулу с жидкостью, которая при смешивании с алкоголем становится ядом и попадает в кровь. В то время в Европе еще разрешали столь страшные эксперименты с организмом. Конечно, это не помогало. Бывало, считаешь дни, часы, минуты, когда же кончится действие проклятой капсулы, которые называли «торпедами». Потом срываешься так, что все вокруг гудит... А 13 лет назад я просто сказал себе: «Хватит! Или остановлюсь сейчас, или мои дни сочтены». С тех пор нахожусь, как говорят в России, «в завязке».

Теперь стараюсь помогать «Дому на горе». Это замечательное заведение для людей, которые хотят покончить с питием, находится под Петербургом. Оно основано американским бизнесменом, бывшим алкоголиком. Недавно в доме прошел своеобразный сбор «выпускников», приехали около двух тысяч бывших собратьев по несчастью, среди которых и такие известные в мире искусства люди, как сообщество художников «Митьки»... Я считаю, что сейчас в России проблема пьянства - вторая по важности после воровства. Надо срочно принимать меры.

- Ваш памятник актеру Савелию Крамарову, установленный на могиле в Сан-Франциско, искусствоведами называют достойным образцом современного искусства. Сейчас среди российских скульпторов развернулась мас-

штабная компания за право ваять надгробие Борису Ельцину на Новодевичьем. Если вам предложат этот заказ, вы не откажетесь?

- Как-то, уже после августовского путча 1991 года, Ельцин позвал меня с женой и моим тогдашним галерейщиком выпить вместе чаю. В разговоре он самозабвенно рассказывал, как взлезал на танк, как бегал между бойцами спецподразделения «Альфа». С неподдельным детским энтузиазмом он то и дело вскакивал из-за стола. И я вспомнил, как о нем сказал мой друг Владимир Буковский: «Ельцин напоминает мальчиша-кибальчиша, который вырос, но в душе остался ребенком». Да, в роли президента страны он наковырял много такого, что не расхлебает, возможно, еще не одно поколение россиян. Но все же Ельцин был искренним и обаятельным человеком. Если меня попросят сделать для него памятник, я не откажусь, однако в работу привнесу изрядную долю иронии.

- Недавно аукционисты «Кристи» объявили о новом рекорде в своих продажах: за прошедшее полугодие объем продаж достиг 1,63 млрд. фунтов (3,25 млрд. долл.), что на 45 процентов выше показателей 2006 года. Причем отмечено, что рынок стремительно расширяется благодаря новым покупателям из России. Вас это радует?

- Я бы не стал впадать в восторг от этих цифр и радоваться за российских олигархов, якобы приобившихся к чему-то хорошему. Одно дело, когда они приобретают Ван Гога, Айвазовского, Репина и других мастеров старой школы, и совсем другое, когда тратят деньги на «современное искусство». Этот рынок сейчас находится в руках так называемой художественной мафии, которая всем управляет через «Сотбис» и «Кристи». Директора этих двух крупнейших аукционных домов время от времени сидят в тюрьме. Сейчас, например, под следствием находится ди-

ректор «Сотбис», который в прошлом возглавлял сеть супермаркетов в США. Когда его спросили: «Господин хороший, как так получилось, что вы торговали зеленым горошком, туалетной бумагой и консервированным мясом, а сейчас возглавляете крупнейший аукцион по продаже предметов искусства?», он ответил, что живопись - такой же товар, как консервы, разница лишь в том, что цену почти на любую картину можно взвинтить до миллиона. Такое вот циничное заявление. Скоро на канале «Культура» выйдет двухсерийный фильм, где я рассказываю, во что превратили сегодня современное искусство, якобы передовое и некоммерческое, а на самом деле самое что ни на есть коммерческое и давно поставленное на поток.

- Но если мафия бессмертна, не проще ли ее возглавить?

- Идея заманчивая, но не для меня. В жизни за все приходится платить. Как за хорошее, так и за плохое. А дороже всего - за компромиссы.

- В литературе существует такое понятие, как «литературные негры» - малоизвестные таланты, которые пишут за маститого и раскрученного автора. Что-то подобное есть в художественном мире?

- Действительно, в литературе это очень распространено. В художественном мире - меньше. Есть, например, такой художник литовского происхождения Кассаби, лет 45 от роду, очень популярный. Он гордится тем, что к своим картинам вообще не прикасается, а только дает указания, иногда даже по телефону, что нужно нарисовать. Командует. У него несколько мастерских. Я знаю, что в Москве группа художников выполняла по его заказу картину, а он только приехал и подписал ее своим именем. Считается, что это работа его кисти. Есть такие явления...

Писатель все-таки должен придумать сюжетную канву, прописывать характеры героев. Для более детальной разработки он может нанять так называемого негра. А в современном изобразительном искусстве «шедевры» создавать настолько легко, что никакой негр не нужен. Художник берет палку, наматывает на нее грязный носок и несет в галерею. Если попал в «правильную» галерею, понравился (в этих заведениях масса всяких подводных течений), то через некоторое время, вполне возможно, его признают мэтром, работы которого будут продаваться за шестизначные суммы. Зачем ему негр?

Хотя, конечно, каждая художественная мастерская имеет помощников, технологов, инженеров, все они трудятся над большим проектом, а лавры достаются скульптору. Здесь, как в кино: над фильмом работает большой коллектив, а снятая картина ассоциируется с именем режиссера-постановщика.

- Скажем прямо, ваша своеобразная манера в искусстве многим не по нраву. Для вас это имеет значение?

- Если бы я всем нравился, это было бы ужасно. Каждый человек вправе иметь свое мнение и вкус. Одним нужен Илья Глазунов, другим Церетели, третьим Генри Мур, а кому-то, смею надеяться, Шемякин. В Америке в одном маленьком городке открыт мой музей. Туда часто приходят фермеры со своими детьми, хотя я выставлю там экспозиции, казалось бы, мало интересные для людей их профессии. Например, «Шар в искусстве, в жизни и в архитектуре». Но они с интересом во все вынюкают, возвращаются еще и еще. И это, безусловно, мне приятно.

На днях из типографии вышел фолант «Михаил Шемякин. Зазеркалье мастера». Это первая книга обо мне на русском языке. Написавший ее Саша Петряков, сам хороший художник, мусолил ее два года, трепал мне нервы в бесконечных беседах в Америке. Но, кажется, книжка получилась. На суперобложке автор сперва написал, что рассказывает о великом, гениальном и так далее. Пришлось мне все это вымарать. Если бы я считал себя такой уж великой, то больше в искусстве не продавался бы ни на шаг. Самое страшное для художника - когда он начинает себя объявлять или думать, что еще страшной - «Я дескать, великий». Ужасно боюсь забронзоветь. Я просто работающий мастерской, стремящийся в недалеком будущем создать что-то интересное. В этом, мне кажется, настоящий путь художника.

Беседу вел
Анатолий СТАРОДУБЕЦ
Фото автора